

ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ КАК ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Д.А. Винокуров

Аспирант первого года обучения

Научный руководитель: Г.Т. Обыденнова

Русская православная церковь на протяжении всего своего исторического пути всегда поддерживала живую связь с народной жизнью, играя активную роль в социально-экономическом, политическом и духовном развитии нашей страны. Одним из наиболее впечатляющих примеров такого влияния следует признать феномен монастырской благотворительности – форму помощи “ушедших из мира” миру.

Прочный фундамент поддержки монашеством ближнего, попавшего в беду, лейтмотив чего пронизывает всю христианскую веру, на Руси был заложен еще в эпоху Средневековья, эпоху роста монастырского землевладения. Вообще, “вопросы любви и милосердия были неотъемлемой частью религиозных исканий на Руси”¹. Социальное служение монастыря в условиях постоянных войн, неурожайных лет, эпидемий, прежде всего, виделось церковными деятелями в “страннолюбии”, “нищелюбии” – безвозмездном оказании помощи обездоленным людям. Как справедливо писал В.О. Ключевский, для древнерусского человека “милостины была дополнительным актом церковного богослужения, практическим требованием правила, что вера без дел мертвa”². К тому же, по замечанию Я.Н. Щапова, немаловажным для любого благотворителя было желание “...обеспечить себе место в потустороннем мире благодаря молитвам тех, кому он оказал помощь”³.

Впечатляющие примеры монастырской благотворительности дает нам период конца XV – начала XVI века, период формирования “иосифлянского” духовенства – духовенства, владевшего колоссальными земельными (и, соответственно, материальными) ресурсами, использующимися, однако, на благо всему российскому обществу.

Представляется весьма интересным проанализировать опыт благотворительной деятельности крупнейшего церковно-политического деятеля средневековой Руси Иосифа

¹ Крапчунов Д.Е. К вопросу о понимании милосердия в русской монастырской традиции // Милосердие и благотворительность в российской провинции: Тез. докл. Всерос. конф. 22-23 марта 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 112

² Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси // Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 79

³ Щапов Я.Н. Благотворительность в дореволюционной России: национальный опыт и вклад в цивилизацию // Щапов Я.Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004. С. 234

Волоцкого (1439-1515), основателя крупного Иосифо-Волоколамского монастыря и ставшего во многом основоположником мощной традиции активной социальной работы Русской православной церкви.

Личная убежденность в необходимости широкой монастырской благотворительности сформировалась у Иосифа Волоцкого, по-видимому, в годы пребывания в стенах Пафнутьево-Боровского монастыря (1460-1477), где с двадцатилетнего возраста Иосиф прошел путь от простого послушника до игумена. Сам Пафнитий придавал благотворительности очень большое значение. Об этом свидетельствуют слова Пафнития, зафиксированные в Волоколамском патерике: “Можеть и едина милостыни спаси человека, аще законно живеть”⁴. В Житии Иосифа написанном “неизвестным” говорится, что в монастыре “множество ядущих беша, иже в манастири сущих и иже наемник работающих, но и приходящих множество к отцуу ползы ради, и мимоходящих странных и нищих приходящих; всем бо тем ядоущем туу, множицю же некоим и на поуть приемлющим, так бо Пафнитию хотящу”⁵. Апофеозом нищелюбия Пафнития могут служить его слова, сказанные им на смертном одре и записанные его учеником Иннокентием: “а гроба не купи дубова, на ту шесть денег колачей купи, да раздели нищим, а мене лубком оберти да под страну подкопав положи...”⁶.

Получив такую подготовку, Иосиф Волоцкий с 1479 г. – года основания своего, Иосифо-Волоцкого монастыря, никогда не оставался равнодушным к делам благотворительности. Его многочисленные литературные работы содержат в себе значительный комплекс высказываний автора, позволяющий сконструировать его представления о значении “нищелюбия” как для инока, так и для мирянина. Наиболее характерные высказывания можно найти в IV и VII “Словах” “Просветителя” – главного литературного труда преподобного, первая редакция которого составлялась на протяжении 1492/1494 – около 1508 гг. Прежде всего Иосиф говорит о том, что “...Бог изначально сотворил человека по образу Своему; поэтому все имеют одинаковую честь”⁷. Из этого положения логично вытекает следующая обязанность истинного христианина – “Сделай дом свой известным не для богатых, не для славных, но для убогих и нищих, для сирот и вдовиц и для не имеющих где главу преклонить”⁸. В IV “Слове” Иосиф ставит “щедрость в милостыне” в один ряд с постом и “бдением”, что ведет по его мысли к “истинному покаянию”, которое является залогом для выполнения единственной в аксиоматике Иосифа цели человеческого существования – обретению Царства Божия. Однако личное

⁴ Волоколамский патерик // Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 97

⁵ Белокуров С.А. Житие Иосифа Волоцкого, составленное неизвестным // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. Кн. 3. М., 1903. (далее – ЧОИДР) С. 16

⁶ Записка Иннокентия о последних днях учителя его Пафнития Боровского // Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. Приложения. М., 2003. С. 378

⁷ Иосиф Волоцкий. Просветитель. М., 2004. С. 129

⁸ Там же. С. 149

“благо” по мысли Иосифа является далеко не достаточным. “Сильные мира сего” имеют определенные обязанности не только перед Богом, но и перед своими “клевретами”, в “Послании некоему вельможе о его рабах” Иосиф советует “жаловать” своих холопов как самого вельможу жалует великий князь: их нужно “пищею и одеждою удоволить, и инеми всякими нужными потребами упокоити, и на блага делеса заповеди господня подобает учiti всегда”⁹. Таким образом, милость должна выражаться не только (и не столько) в материальных показателях, но в воспитательном значении. Любопытно, что наибольшим проявлением подлинно христианского гуманизма по отношению к зависимым слугам Иосиф признает стимулирование их ухода в монахи. Во втором “Послании князю о постригшемся “человеке””, написанном по случаю неудовольствия владельца постригшегося в Иосифов монастырь работного человека (1480-е гг.) Иосиф прямо заявляет феодалу: “И ты, господине... понужай и учи на добрые дела, паче же на иноческое жительство. И того ради приимеши от господа Бога прощение грехом и царствия небесного наслаждение”¹⁰.

Личная благотворительность Иосифа, базирующаяся на вышеприведенных идеях, как игумена преуспевающего монастыря, неминуемо определяла общую монастырскую политику в отношении благотворительности. Богатства монастыря, пусть сначала и весьма немногочисленные воспринимались Иосифом лишь как временно аккумулированные ради будущего использования в церковном обиходе и благотворительности. Его игуменская деятельность весьма ярко иллюстрировала тезис Н.И. Серебрянского, что “В монастыре обращался древнерусский человек... с материальною своею нуждою, так как он видел широкую монастырскую благотворительность и заботы монахов о всех нищих и беспомощных”¹¹.

Минейное “Житие” Иосифа Волоцкого, написанное в 1540-х гг. архиепископом Крутицким Саввой Черным сообщает достаточно характерный для Иосифа случай, когда увидев ночью крестьянина, крадущего зерно из монастырского амбара все действия преподобного свелись только к тому, что “Иосифъ... помаваа рукою, веля ему без всякого страха быти: и в чемъ ти, рече, недостатокъ, повежь ми, азъ ти исполню...”¹².

Вообще, отношения с окрестным крестьянством, “севшим” вокруг монастыря у Иосифа не отличались конфликтностью. Агиограф сообщает, что от момента прихода Иосифа в Волоцкий удел и основания монастыря между крестьянами и игуменом установились следующие отношения: Иосиф возмещал крестьянам сломавшим сельскохозяйственный инвентарь или у которых украли лошадь или корову “цену их”.

⁹ Послание некоему вельможе о его рабах // Послания Иосифа Волоцкого. Изд. Зимин А.А., Лурье Я.С. М.; Л., 1959. (далее – ПИВ) С. 153

¹⁰ Второе послание князю о постригшемся “человеке” // Там же. С. 150

¹¹ Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 210-211

¹² Великие Минеи Чети. Сентябрь. Дни 1-13. СПб., 1868. (далее – ВМЧ) Стб. 470

“Неизвестный” автор другой версии жития добавляет, что Иосиф проводил большую “воспитательную” работу с окрестными феодалами, убеждая их “да будут блази тяжарем своим”¹³. Результатом такой деятельности стало, по версии агиографа то, что “Вся...волоцкая страна к доброжизнию прелагашеся, тишины и покоя наслаждашеся и вси веселящеся беша, и поселяне же много послабление имущее от господей сел пощением его”¹⁴.

Однако самая впечатляющая проверка на прочность религиозно-гуманистической системы благотворительности Иосифа Волоцкого была впереди. Примерно в 1512-1515 гг. Волоцкий удел постиг страшный голод. Ситуация была, вероятно, сходна с голодом 1601/1603 гг., когда постоянные неурожай нарушили и без того весьма напряженный естественный цикл земледельческих работ и привели к катастрофическому падению урожайности¹⁵.

В ситуации голода “не во едино лето, но во много время”¹⁶ монастырь, имевший хлебные запасы стал рассматриваться окрестным крестьянством как единственный источник пропитания. Досифей Топорков сообщает, что “четверть земская” (примерно 65, 52 кг) ржи стоила во время голода 40-50 сребрениц – цена огромная и явно “неподъемная” для большинства “маломощных”, как определяет земледельцев Савва.

Однако прежде чем рассмотреть помочь Иосифа Волоцкого голодающим следует учесть несколько немаловажных обстоятельств. К 1512-1515 гг. землевладение Иосифо-Волоколамского монастыря еще не было столь значительным, чем в конце XVI века. В 1592 г., по данным М.Н. Тихомирова, хлеба было убрано 16045 четвертей, в хозяйстве было только лошадей 385 голов¹⁷. К 1515 г. же во владении Иосифо-Волоколамского монастыря находилось не более 10 сел: Очищево, Успенское, Медведково, Спасское, Белково, Бели, Раменка, Бужарово, дер. Гаврино и дер. Иевлево: до массовых земельных вкладов “на помин души” было еще далеко. Причем урожайность в указанных монастырских вотчинах была довольно низкой; по подсчетам К.Н. Щепетова¹⁸, тщательно изучившего агрокульттуру Иосифо-Волоколамского монастыря во второй половине XVI века, урожайность ржи в среднем была сам-2,8; пшеницы – от сам-1, до 2,4; овса – сам-2, 18; ячменя – от сам – 8,9 – до сам-1-3. Села, обеспечивающие стабильно высокие урожаи хлебных культур (Балашково, Зубово, Реткино, Сафатово и др.) к описываемому периоду в состав монастырской вотчины еще не вошли. Следовательно, запасы,

¹³ ЧОИДР. С. 22

¹⁴ Там же.

¹⁵ Более подробно о природно-климатическом факторе применительно к земледелию в Иосифо-Волоколамском монастыре см.: Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Милов Л.В. По следам ушедших эпох. М., 2006. С. 638-669

¹⁶ Невоструев К.И. Надгробное слово Иосифу Волоколамскому // Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения. Ч. 2. М., 1865. С. 174-175

¹⁷ Тихомиров М.Н. Монастырь-вотчинник XVI века // Исторические записки. Т. 3. М., 1938. С. 140

¹⁸ Щепетов К.Н. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI века // Исторические записки. Т. 18. М., 1946

хранящиеся в монастыре были ограниченными и рассчитанными, в основном, на внутреннее потребление.

Во время очередного неурожая под воротами монастыря образовался как бы лагерь беженцев из разных мест, “бяше бо ихъ седмъ сотъ, опричь малых детей”¹⁹, конкретизирует Савва Черный. Житие Льва Филолога (известное как “Житие, написанное неизвестным”) рисует страшную, но весьма ценную с исторической точки зрения картину голода в окрестностях Волока Ламского: люди ели сначала “с скотом едину пищу” – сено, древесную кору и листья, однако голод заставил есть и “злейши скотъскиа” пищу – “корение бо ужевное и гнилые клады толчены”²⁰, что вызвало массовые желудочно-кишечные заболевания. Единственное спасение голодающим виделось в монастыре Иосифа, где “пища...обретаема, елика от подаания вкладущихъ и от сановныхъ собираема”²¹.

Иосиф Волоцкий сразу же распорядился выделять пропитание голодающим из монастырских запасов. Через некоторое время, когда келарь “не сказа ржы”, а казначей “не сказа денег” Иосиф решил брать деньги взаймы, чтобы только иметь возможность “гладных кормити”. И оба Жития и “Надгробное слово” Досифея Топоркова утверждают что такая мера вызвала в монашеской братии большое неудовольствие: к этому моменту монастырский рацион был уже существенно урезан – “в трапезе на братию колачей и квасу медвенаго не бысть никогдаже”²², даже в дни поминальных трапез, устанавливающихся богатыми вкладчиками монахи ели в качестве исключения рыбу и пили хлебный квас; в обычные дни они питались “от семян”, а пили обычную воду. Меры по дальнейшей организации благотворительной помощи вызвали оппозицию, главным образом, вероятно, богатых постриженников: “како селико народа прекормити покупающе, - вопрошали они, - безрассудная сия милость: нась переморить, а их не прекормить”²³. В ответ на упреки монахов, Иосиф призвал их обратить внимание на тот факт, что собравшиеся под стенами монастыря “не различна брашен желають, но единого куса хлеба”, поэтому взявшим на себя монашеский обет “всяку скорбь терпети” следует его безукоснительно исполнять, возлагая все свои надежды только на высшие силы.

Отличительной чертой деятельности Иосифа Волоцкого на ниве благотворительности является то, что он не удовлетворялся своим личным участием в борьбе с голодом. В 1512 г. он пишет послание Дмитровскому князю Юрию Ивановичу, в котором пытается убедить его принять меры по борьбе с общественным бедствием. Князю советуется установить твердые цены на хлеб, “занеж...уже многиа ныне люди мрут гладом”²⁴. Иосиф подчеркивает, что только

¹⁹ ВМЧ. Стб. 482

²⁰ ЧОИДР. С. 32

²¹ Там же

²² ВМЧ. Стб. 483

²³ Там же

²⁴ Второе послание князю Юрию Ивановичу // ПИВ. С. 236

князю под силу “запрещение страшно положить” на спекулянтов съестными товарами, усиливающих голод.

Тем временем возникла еще одна проблема: беженцы стали подбрасывать к воротам монастыря своих детей, многие из которых были грудного возраста. Розыски родителей, предпринятые монахами по совету игумена, не принесли результатов – из родителей “не единъ явися, яко отрекающеся отрицахуся”²⁵. Количество подброшенных детей достигло 50 человек, в связи с чем было решено построить для них “дом особъ”, в котором они проживали, воспитывались и обучались. Таким образом, Иосифа Волоцкого можно считать одним из основателей системы общественного призрения, начавшей практиковаться в его монастыре задолго до основания такой системы в общегосударственном масштабе.

Такая ситуация продолжалась до 1515 г., когда в Иосифо-Волоколамский монастырь приехал в первый раз великий князь Василий III (1505-1533). Оценив широкую монастырскую благотворительность, осуществляемую собственными силами он субсидировал монастырь 100 руб., а также “многие царские брашны” в размере 1000 четвертей овса и ржи. Вскоре примеру великого князя последовали и князья Юрий Иванович Дмитровский, Семен Иванович Калужский и Дмитрий Иванович Углицкий “и ини христолюбци мнозии отвселе спомогая”²⁶. Таким образом, светская власть охотнее видела монастырь неким центром перераспределения материальных благ между нуждающимися, предпочитая заниматься более “богоугодной” формой благотворительности, чем простая частная милостыня.

Осенний урожай 1515 года по всей видимости положил конец голодному периоду. Однако длительное полуголодное существование, видимо, пагубно отразилось на здоровье игумена. Известно, что по результатам исследования останков Иосифа Волоцкого, обретенным в 2001 г. смерть наступила в результате крайней дистрофии²⁷. Можно предположить, что к разнообразным болезням, удручавшим в старости преп. Иосифа, прибавились и тяжелые последствия отказа от полноценной пищи в пользу голодающего населения Волоцкого удела. Умирая, он твердо следовал уроку, полученному от своего учителя Пафнутия Боровского; монахам, собравшимся вокруг его постели во главе с преемником по игуменству Даниилом Рязанцем Иосиф указал “нищих поминати, и страннолюбия не забывать, по апостолу, яко теми благоугажаемъ Богъ есть”²⁸.

Традиции монастырской благотворительности поддерживались в Иосифо-Волоколамском монастыре на протяжении всей истории его существования. В 1903 г. архимандрит Геронтий (Кургановский) с гордостью перечислял многочисленные статьи благотворительных расходов

²⁵ ЧОИДР. С. 33

²⁶ ВМЧ. Стб. 484

²⁷ Звягин В.Н. О результатах медико-криминалистического исследования по идентификации честных останков преподобного Иосифа Волоцкого // Вестник Свято-Пафнутьева Боровского монастыря, № 3, 2006. С. 4

монастыря: на поддержку образования (Волоколамское духовное училище, иконописная школа, церковно-приходская школа), миссионерства, больницы-богадельни при монастыре и другие²⁹. Благотворное влияние Иосифа Волоцкого, таким образом, пережило века.

Г. Флоровский писал в свое время, что в монашеской практике Иосифа Волоцкого “молитвенное делание...подчиняется социальному служению, деланию справедливости и милосердия”³⁰. Действительно, благотворительность как жизненный принцип исповедовалась Иосифом всю его жизнь. Пример успешной деятельности Иосифа Волоцкого позволяет сделать вывод, что Церковь и Общество не должны противопоставляться друг другу, но и, безусловно, способны к позитивным и продуктивным формам взаимодействия.

²⁸ ЧОИДР. С. 46

²⁹ Геронтий (Кургановский), архимандрит. Волоколамский Иосифов второклассный мужской монастырь и его современное состояние. СПб., 1903. С. 86

³⁰ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 18